

РАБОЧАЯ МОСКВА

ОРГАН МК и МГК ВКР(б), МОСОБЛИСПОЛКОМА, МОССОВЕТА и МОСПС

ИЮЛЬ

15

1934 г.

воскресенье

№ 164

Начало литературной деятельности Антона Павловича Чехова примерно совпадает с известным «актом 1 марта 1881 г.» — с казнью Александра II террористической организацией «Народной воли». Закончился же творческий путь писателя накануне революции 1905 года, накануне нового подъема волны революции в России.

Период, в который жил и творил Чехов, — период особый. «Акт 1 марта» был наивысшей точкой революционного взлета народовольчества. В первые дни

своего царствования Александр III был смертельно напуган деятельностью революционеров, и его правительство вступило даже в переговоры с Исполнительным комитетом «Народной воли» об условиях прекращения им революционного террора. Но царь через короткий промежуток времени пришел в себя. Казнь Желябова, Перовской и других руководителей деятелей террористической организации значительно ослабила «Народную волю». Правительство перестало бояться и стало на путь жесточайшего преследования всякого общественного движения в стране. 80-е годы отмечены резким усилением реакции, частичным восстановлением крепостного права и наступившим вследствие этого разочарованием мелкобуржуазной интеллигенции в прежних путях и методах борьбы.

Внуки крепостного, сын купца, дела которого к концу жизни сильно пошатнулись, Чехов в своем творчестве, особенно в первый период, отразил эту полосу разочарованности, безверия, отсутствия перспектив, которые характерны для мелкобуржуазных интеллигентов, испуганных репрессиями самодержавия и потерявших надежду на успешную борьбу с ним. «У нас, — писал тогда в одном из своих писем Чехов, — нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе — хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революции мы не верим».

Чехов видел крах революционного народничества, видел и замечательно отобразил банкротство и растерянность всей мелкобуржуазной интеллигенции. И он как вдумчивый и наблюдательный художник в типичных образах показал гнусную расейскую действительность той поры. «Во всем городе, — набрасывает Чехов картину одного провинциального города в повести «Моя жизнь», — ни одного честного человека. Дома — проклятые гнезда, в которых сжигают со света матерей, дочерей, мучают детей... Нужно окурить себя водкой, картами, сплетнями, надо подлизываться, ханжить, чтобы не замечать всего ужаса, который прячется в этих домах».

Критически к окружающей обстановке жизни относятся, по Чехову, только интеллигенты. Но они банкроты. Прежние идеалы разбиты. Впереди же ничего нет. В рассказе «Сжучная история» профессор на вопрос своей любимой воспитанницы Кати, мучающейся в поисках выхода из жизненного тупика, «что делать?» может по совести ответить только одно: «Не знаю, Катя. Давай позавтракаем».

Личные обстоятельства Чехова, особенно в те годы, когда он только недавно стал печататься в разных, по преимуществу еще мелких изданиях, усугубляли мотивы тоски, разочарованности и пессимизма в его произведениях. «Душа моя, — пишет в эти годы писатель, — просится вширь и ввысь, но на деле приходится вести жизнь узкую, ушедшую в сволочные рубли и копейки... Душа моя изныла от сознания, что я работаю ради денег...».

Какое красноречивое признание! Какая оглушительная пощечина для общественного строя, в котором «свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (Ленин).

Чехов вынужденно идет сотрудничать в реакционнейшее желтое «Новое время» — к Суворину, идет продавать свой талант за «сволочные рубли и копейки». Но справедливость требует отметить, что Чехов находил в себе достаточно гражданского мужества, чтобы в моменты, когда его

общественный долг писателя требовал ясного выявления его политического лица, рвать открыто и перед лицом всей страны с лагерем реакции.

Чехов расходится с Сувориным в дни, когда «Новое время» занимает гнусную позицию в известном деле французского капитана Дрейфуса. Чехов солидаризируется с Золя, письмо которого в защиту невиновно осужденного Дрейфуса потрясло в те годы все передовое человечество. Чехов вместе с Короленко отказывается от звания почетного академика, когда Академия наук по приказу царя не утвердила избрание в почетные академики Максима Горького.

Протест Чехова был типичным оппозиционным жестом либерального буржуа. До революционного протеста Чехов никогда не доходил. Сам о себе он писал: «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец... Я хотел бы быть свободным художником — и только; и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им».

Однако, все творчество А. П. наглядно доказывает, что он в своей писательской работе не проводил идей «искусства ради искусства». В ряде рассказов (в частности в повести «Палата № 6») Чехов выступает с гневным протестом против самодержавно-бюрократического режима в России. Чехов понимает, что «нет, больше так жить невозможно» («Человек в футляре»). Писатель чувствует, что «пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря», которая «сдует с нашего общества лень, равнодушные к труду, гнилую скуку» («Три сестры»).

Но откуда придет эта буря и когда она разразится, Чехов не понимал. Рабочего движения он как бы не замечал. Пролетариату в его многочисленных произведениях уделено очень немного страниц. И там, где Чехов говорит о рабочем, ясно чувствуются нотки жалостливости, своего рода перемены дворянско-буржуазной литературы, когда она говорила о «маленькой братии». По отдельным рассказам можно даже утверждать, что Чехов боялся роста рабочего движения и относился к нему со страхом и недоброжелательством.

Лучшие времена на земле настанут. Об этом говорят многие чеховские герои. Но будет это не скоро. И в этом сказывается их пессимизм. «Через 100—200 лет предстанет прекрасная жизнь» («Дядя Ваня»). «А пройдет еще... каких-нибудь 200—300 лет... народятся люди, которые будут жить лучше, какая это будет жизнь, какая жизнь!» («Три сестры»).

Начав с мелких юмористических рассказов, Чехов закончил свой творческий путь пьесой «Вишневый сад», которая характерно отразила зрелый идейный настрой писателя. Перед зрителем — одно из старых дворянских гнезд, обитатели которого, подобно старой культуре, отживают, уступая свое место новой силе, приходящей им на смену. Сила эта — буржуазия, выведенная в образе купца Лопухина, который покупает имение вместе с любимым его прежними хозяевами вишневый садом. Лопухин торжествует. Он переживает свою победу: «Боже мой, господи, вишневый сад мой. Скажите мне, что я пьян, не в своем уме... Я купил имение, где дед и отец были рабами... Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду...».

И у Чехова мы видим раздваивающееся чувство. Симпатии его на стороне Лопухина, которого писатель даже несколько идеализирует (он «порядочный купец во всех смыслах»). И одновременно Чехову жаль старой культуры, старого вишневого сада, который для нового владельца только товар, по деревьям которого застучит безжалостный топор нового владельца-предпринимателя.

Ленин и Сталин неоднократно обращались к литературному наследию А. П. Особенно часто и Ленин и Сталин обращались к образу человека в футляре, того самого, который все время боялся «как бы чего не вышло».

Чехов с мастерством большого художника, обладающего редким талантом юмористического отображения отрицательных явлений жизни, заклеил многие темные стороны капиталистического общества.

Ряд образов Чехова уже отжил свое время. Но многие его произведения живут еще полной жизнью. И на них наши писатели могут учиться не только мастерству владения формой небольшого рассказа, но и умению зло и беспощадно, с огромной силой и выразительностью, с тонким юмором и большой наблюдательностью бить по мрачным теням недавнего прошлого. И поскольку пережитки капитализма не изжиты еще в сознании людей, литературное наследство А. П. в значительной своей части входит как действенное оружие в арсенал борьбы пролетариата за построение бесклассового социалистического общества.

В. ТАРОВ

Сцена из пьесы А. П. Чехова «Три сестры» в постановке Моск. Художественного театра.